

«Имение это останется в роде Семевских...» (Сельцо Федорцово Великолукского уезда)

Сельцо Федорцово, расположенное в 30 верстах от города Великие Луки, став в конце XVIII в. благоприобретенным имением рода Семевских, принадлежало им почти сто лет. В 1790 г. прапорщик Василий Иванович Семевский купил его вместе с селами Ступино и Кузнецово с деревнями и крестьянами, а также селами Маковенским с деревнями в Торопецком у. и Бердниковым в Холмском у. за 62 тыс. руб. у Ивана Афанасьевича Василевского и жены его Елизаветы Петровны, урожденной Великопольской.¹ Именно ей и перешло имение по завещанию от отца титулярного советника Петра Гавриловича Великопольского, после смерти матери Анисьи Петровны.² Род этот вышел из Польши и известен в Псковской губ. с XVI в.³ За разные службы, главным образом военную, верстан был обширными поместьями, в основном по берегам реки Куньи. Великопольские, как и многие дворянские роды, наделенные землями в XVI в., дробили свои поместья по многочисленным наследникам и к концу XVIII в. оскудели, многие из неудачливых владельцев продавали свои земли. Можно было бы и не останавливаться на истории этого рода, но и поместье, и дом, которые перешли Семевским, были нажиты именно Великопольскими. Новые хозяева покупали имения, как правило, «со всем имеющимся господским убранством и мебелью». Именно так и было куплено Федорцово.⁴ Сохранилось подробное описание поместья и всех строений, сделанное в 1861 г.⁵ Федорцовский дом был двухэтажный, на 9 саженьях, низ каменный, верх деревянный, обшит тесом, крыт гонтом, крыша выкрашена

красной краской. За полвека владения новые хозяева несомненно внесли изменения, но общая архитектура здания, распределение жилых и парадных комнат, система отопления и, вероятно, что-то из мебели отражали вкусы прежних владельцев и традиции ушедшего XVIII в. Дом не поражал ни размерами, ни роскошью, но свидетельствовал о достатке как прежних владельцев, так и новых. Он казался большим лишь самому младшему из Семевских - будущему историку и профессору Петербургского университета Василию Ивановичу, который бывал там наездами до 12-летнего возраста.⁶ Из описания следует, что в доме было 15 комнат, отапливался он 8 печами и камином. Парадные комнаты находились на верхнем этаже, и в 5 из них были паркетные полы, в то время как в остальных - простые, крашенные желтой краской. Самыми богатыми были гостиные. Стены большой украшали зеркала, 6 картин в деревянных рамах за стеклами. На высоких тумбах стояли вазы для цветов, а вдоль стен три дивана красного дерева, обтянутых голубым ситцем, 12 таких же кресел и 6 стульев. Перед одним из диванов стоял круглый столик из карельской березы. Подушки, шитые тесьмой и шерстью, во множестве расположенные на диванах и креслах, делали комнату и нарядной, и уютной. Малая гостиная отличалась как размерами, так и меньшим числом диванов, стульев, зеркал. Кроме того, в ней помещались два ломберных столика, обтянутых зеленым сукном, и часы. На втором этаже все комнаты имели определенное назначение: зала, диванная, каминная, кабинет хозяина, барынина комната, спальня и две упомянутые гостиные. На первом этаже располагались девичья, лакейская, запасные спальни и пр. Только второе поколение Семевских, владевших Федорцовым, внесло в обстановку дома существенные изменения. Известно,

Кох Ольга Борисовна - кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Гос. музея политической истории России (С.-Петербург);

Пархомик Наталья Васильевна - ст. научный сотрудник Мемориального музея-усадьбы С.В.Ковалевской в с. Полибино.

что Иван Егорович собрал значительную по тем временам библиотеку, которая располагалась в отдельной комнате, заставленной желтыми шкафами из простого дерева. Убранство дополнялось креслами с полосатыми подушками, кроватью за ширмой, обтянутой зеленым коленкором; бюро, украшенным столовыми часами на столбиках; письменным столом с обязательным набором предметов, как то: белая фарфоровая чернильница, песочница, станок для перьев на костяных столбиках и шкатулка с мелкими ящиками и зеркальцем. Здесь же хранились два чубука - один черешневый с бисерным чехлом и янтарным мундштуком, другой из простого дерева, но более внушительных размеров. Еще одна комната получила совершенно определенное назначение - это классная на первом этаже. Иван Егорович имел шестерых сыновей, которых нужно было приготовить в кадетские корпуса. Для этого в дом был приглашен учитель Иосиф Игнатьевич Малевич, известный более тем, что давал первые уроки математики С. В. Ковалевской (урожденной Корвин-Круковской), в семью он поступил после того, как иссякли многочисленные Семевские.⁷ В классной стояли четыре дивана, стулья с ситцевыми подушками, кровать из простого дерева и две доски - красная и черная. Впоследствии стены этой комнаты украшали «10 похвальных аттестатов господ Семевских».⁸ Наличие в комнате кровати позволяет предположить, что в классную была превращена одна из запасных спален. Возможно, дом и не был очень красивым, но несомненно удобным. Стоял он на холме, окружен был парком, как подобает, с липовыми аллеями. У подножия холма каскадом располагались три больших пруда. Въезд на холм был сделан по двум пандусам. В непосредственной близости от барского дома находились многочисленные хозяйственные постройки, все на каменных фундаментах. Здесь были кухня, двухэтажный омшаник и ледник, просторная ткацкая фабрика на 9 станков, магазинный амбар, овсяной амбар, с многочисленными сундуками для соли, круп, солода; две бондарских и две солодеж-

ных избы, винный подвал на каменных столбах, конюшни и каретный сарай, кузница, конный, птичий, скотный, свиной дворы, хлебный двор, ветряная мельница, риги и др. Гордостью имения был трехэтажный винокуренный завод. Перечень построек указывает, что в XVIII в. это поместье не только самодостаточное хозяйство, но и ориентировано на рынок. Картину хозяйственного достатка дополнял знаменитый фруктовый сад, доходивший до самого темно-зеленого бора, окаймлявшего на горизонте обширные владения. За имением числилось 3 тысячи десятин земли.

«Родовое гнездо», каким было Федорцово для Семевских, располагалось в живописном месте и, казалось, должно было вызывать весь спектр чувств «малой родины» - умиление, восхищение, любовь, тоску и т. д. хотя бы у младшего поколения, но такой патетики в отношении к поместью не обнаружено ни у одного из владельцев. Даже Михаил Иванович, более склонный к сентиментализму, чем прочие, никогда не переходил на возвышенные тона при упоминании Федорцова, хотя любил Великие Луки и часто наезжал.

Покупка имения Семевскими была вызвана и экономическими соображениями, и сложившейся в обществе традицией. Социальная роль дворянства в России формировалась в определенных исторических условиях и в свою очередь обусловила стереотип психологического, культурного и бытового поведения, некую идеальную модель, где наличие поместья было важной составной частью. Для России было свойственно стремление людей состоятельных получить дворянство и, согласно сложившемуся идеалу, приобрести имение, превратив его в родовое.

В свое время стремились получить статус русского дворянства и Семевские. В Энциклопедическом словаре Ф. Л. Брокгауза и И. А. Ефрона род представлен как переселившийся из Белоруссии в Торопецкий уезд во второй половине XVIII в., согласно семейному преданию, и внесенный во вторую часть родословной книги С.-Петербургской, Новгородской и Псковской

губерний.⁹ Сами же Семевские безуспешно и неоднократно пытались доказать, что издревле пользовались всеми правами польского шляхетства и вели свое начало от рыцаря Лещица, который «за похвальные и мужественные услуги» получил герб. По другой версии, герб, которым был пожалован род Семевских, происходил от наследников польских королей Лешков.¹⁰ Но документально подтвердить свое древнее происхождение они не могли. «О предке и деде моем, - писал Иван Егорович в 1850-е гг. в заметках о семье, составленных по просьбе сына Михаила, - ничего мне не известно, ибо нет никаких документов, но из черновой выписи из депутатских дворянских собраний видно, что Иван Семевский, дед мой, белорусский дворянин Невельского уезда».¹¹ Древность рода, таким образом, была подтверждена только приговором Невельского повета, полученным в 1804 г. В родословной Семевских много противоречий и путаницы. Возможно, документов не было потому, что достоверно известный предок Ян Семевский, уроженец Витебской губернии, обосновался в России в начале XVIII в., когда в Польше было смутное время. Ян имел двух сыновей - Федора и Алексея. Последний весьма удачно женился на дворянке Торопецкого у. Евдокии Григорьевне Щеглоковой.¹² Их сын Анфилогей был капралом лейб-гвардии Измайловского полка. На нем эта ветвь прервалась, поскольку он умер бездетным. Второй - Федор - имел потомков в четырех поколениях. Его сын Иван Федорович в 1760 г. числился торопецким мещанином, но именно он положил начало русской дворянской родословной Семевских, так как был награжден орденом, служа в комиссии по снабжению солью государства; награда автоматически давала права русского дворянства. Его сыновья Василий и Егор занялись не менее прибыльным делом - винным откупом. «Слышал я из рассказов, - писал Иван Егорович в уже упомянутых заметках, - что дядя и отец в царствование Екатерины, Павла и начале царствования Александра держали с товарищами Псковскую и Новгородскую губернии на откупу

по винной продаже». Все это создало материальную базу для покупки поместий, причем все приобретения территориально тяготели к Торопцу, но не потому, что Семевские породнились с местными помещиками Щеглоковыми, но скорее потому, что они издревле связаны были с этим городом. Михаил Иванович, предприняв в молодости попытку собрать историю рода, проследил по переписным книгам фамилию Семевских, которая встречается неоднократно и уходит вглубь к 1646 г. Все многочисленные Семевские были посадскими людьми города Торопца.¹³ Не потому ли, что добыть неопровержимых доказательств о древности рода было невозможное или их не было вовсе, Михаил Иванович оставил свое сочинение; равно комитет по Герольдии после, по крайней мере, трех разбирательств дела (1810, 1813 и 1842 гг.) счел возможным записать Семевских не в шестую часть родословной книги (т.е. древние дворянские благородные роды, предки которых владели дворянскими имениями ранее 1685 г.), а только во вторую часть (по военным чином и орденам) - за награду Ивану Федоровичу.

Братья Василий и Егор Ивановичи, сделав состояние, начинают активно скупать земли в Великолукском у. Первая покупка относится к 1783 г. С аукционного торга за 16700 рублей у лейб-гвардии отставного прапорщика Антона Ивановича Алексева было куплено «сельцо Трубицино, Воскресенское тож» в Липецком стане. В имении был господский дом из 10 комнат с «антресолям». При доме - сад с «перспектами из лип и плодовыми деревьями». На чистом дворе стояло 6 господских амбаров, омшаник, людские избы, конюшня, баня, кузница, винокурня, ледник и другие постройки. Впоследствии именно это поместье Василий оставил за собой. К нему добавилось в 1788 г. имение в Липецком стане премьер-майора Московского карабинерного полка Александра Михайловича Челищева, состоящее из деревень Коптево, Кошутино, Пелогино с крестьянами за 3300 руб. В 1790 г. куплено Федорцево, а еще через год, в 1791 г., у лейб-гвардии Семеновского полка прапорщика Евграфа

Лаврова имение его отца Семена Федоровича, доставшееся по наследству за тысячу рублей. Это было сельцо Кузнецово с пустошами и 7 душами крестьян в Слайуском стане и несколько деревень в Торопецком у. с 16 крепостными.¹⁴ Таким образом, к началу XIX в. Василий Иванович имеет в Великолуцком у. довольно обширные владения с 676 душами (по 5 ревизии) и, кроме того, в соседнем Торопецком у. 174 души.¹⁵ Но, видимо, удалось выявить по архивным документам далеко не все покупки, так как в заметках о своей родословной Иван Егорович писал, что «дядя мой приобрел около 3000 душ».¹⁶ Покупка была осуществлена на общие деньги (собственного капитала Егора было 30 тыс. руб.), и Василий в сентябре 1804 г. по купчей крепости (так было проще) передает часть своей недвижимости в Великолуцком и Торопецком у. брату. Как отмечал Иван Егорович, «выделено было моему отцу как [он во всем] участвовал в тех операциях с братом своим Василием около 350 душ»,¹⁷ т.е. даже не все, что было куплено по совокупности с Федорцовым. Эта договоренность была достигнута еще в 1790 г. (т. е. в год покупки имения) и закреплена завещанием в Новгородской судебной палате.¹⁸ Так имение спустя 14 лет после покупки попадает в руки той ветви рода Семевских, которая в третьем поколении владельцев явила миру двух земских деятелей местного масштаба - Александра и Петра Ивановичей, - двух историков, известных всей России, - Михаила и Василия Ивановичей.

В 1806 г. «отозвав доли откупа», как вспоминал Иван Егорович, отец его корнет Кинбурнского драгунского полка, женившись на Екатерине Ивановне, дочери губернского землемера коллежского асессора Ивана Петровича Колычева вторым браком, «переехал на постоянное жительство в деревню» и жил там 20 лет до своей смерти. Это печальное событие (его смерть) стало поводом к появлению местной традиции: «в день великомученика и Победоносца Георгия, - отмечал в духовном завещании Иван Егорович (т.е. 23 августа), - служить непременно за упокоение души в Борковс-

кой церкви обедню (село Борок в версте от Федорцова, церковь с погостом на нем стала последним прибежищем многих из рода Семевских) и непременно кормить крестьян в тот день обедом, что исполняется без исключения в нашем имении с кончины покойного батюшки моего».¹⁹ О втором владельце из рода Семевских известно мало. В 1816 г., как и другие дворяне, был награжден бронзовой медалью в память войны 1812 г., такой же награды в 1820 г. удостоена и его супруга Екатерина Ивановна.²⁰ Сохранилось духовное завещание Егора Ивановича, составленное в 1822 г., по которому сыну от первого брака Алексею должно было перейти «собственное благоприобретенное имение - сельцо Маковенское Торопецкого уезда» с условием, что по смерти его отойдет детям от второго брака, что впоследствии и произошло. Сельцо Федорцово завещал жене Екатерине Ивановне. Она управляла им как могла и достаточно регулярно выделяла средства сыну, что следует из «Записки о полученных деньгах от маменьки с начала вступления моего в службу в 1825 г. и по сегодняшний день», составленной Иваном Егоровичем в 1844 г. непосредственно перед его вступлением в управление имением. Суммы были небольшие, все более по 50 руб., самая крупная указана в 500 руб. по особому случаю - в 1831 г. состоялась свадьба с Камиллой Матвеевной Богуцкой. «Женатый Иван Егорович Семевский» составил «смету расходов» и «примерное исчисление дохода» - картина получилась грустная, требовалось при самом экономном расчете (например, стол со своим огородом) около 1140 руб., а все жалованье прапорщика составляло 800 руб.²¹ Без помощи из имения прожить было невозможно. Поместье же под надзором родительницы приходило в упадок, постройки ветшали. И, наконец, после почти 20-летнего управления маменька решила. В письме к неизвестному адресату жаловалась, что силы уже не те, хозяйство в упадке и что лучше передать имение сыну, «все легче будет»,²² и в октябре 1845 г. написала духовное завещание: «при жизни своей, единственному наследнику

после меня сыну моему титулярному советнику Ивану Егоровичу Семевскому в полное его владение...» Движимое имущество она оставила за собой с тем, чтобы передать по смерти внучке своей Клеопатре Федоровне Кармолиной,²³ кстати, ее имя фигурирует среди технических сотрудников журнала «Русская старина», издаваемого Михаилом Ивановичем. 20 марта 1846 г. был составлен передаточный акт, и 16 августа указом Великолуцкого суда новый владелец введен в наследство.²⁴ Вместе с имением Иван Егорович принял и долг в 28499 руб. 39 коп. серебром, причем ежегодно следовало платить проценты в 1987 руб. 50 коп. серебром. Складывается впечатление, что имение в эти годы обеспечивало в основном уплату процентов по долгу, так как доход его в лучшие годы не превышал 2,5 - 3 тыс. Иван Егорович прилагает все усилия, чтобы восстановить имение, и весьма успешно. В цифрах его хозяйственные достижения выглядят следующим образом:

	1845 г.	1860 г.
Душ м. п.	169	137
Душ ж. п.	165	158
У крестьян скота лошадей	79	109
крупного рогатого скота	148	225
овец	77	270
свиней	35	110
Хлеба	95 четв.	100 четв.
Долг	29666 р. 89 к.	28449 р. 39 к.

Эти сопоставительные данные были написаны рукою самого Ивана Егоровича на завещании матери.²⁵ Он вступил в управление имением сорока лет от роду, имея богатый жизненный опыт, обремененный семью детьми. Образование получил во втором кадетском корпусе и прослужил, согласно «Формулярному списку о службе...», в 1-ом сапер-

ном батальоне 10 лет 6 месяцев и 23 дня, выйдя в 1835 г. в отставку штабс-капитаном с мундиром.²⁶ Но вынужден был служить из-за скудости средств по выборным должностям в Великолуцком у. (посредником по размежеванию земель, затем земским исправником) и заседателем Псковской уголовной палаты, пока не представилась возможность вновь поступить на государственную службу: в 1844 г. экономом в Полоцком кадетском корпусе, что давало несомненные преимущества, так как сыновья могли получить образование за казенный счет. Выйдя в отставку в 1850 г., продолжал служить управляющим поместья Хмелиты князя Паскевича-Эриванского в Смоленской губ. Собственное поместье не давало экономической свободы. Иван Егорович жил в Федорцове наездами и управлял через доверенных лиц. Так, известно, что в 1852 г. это был отставной фельдфебель Ефремов, в 1856 г. - титулярный советник Михайлов, а в 1857 г. - старший сын, гвардии поручик и кавалер Владимир Иванович.²⁷ Передача в управление имения сыну была вызвана двумя причинами: ухудшением здоровья, предчувствием быстро надвигающегося заката жизни и желанием обеспечить всех своих детей и притом сохранить имение в роду Семевских. Иван Егорович придумывает, с его точки зрения, разумное решение и поясняет его детям в двух записках. Первая носит название «Духовное завещание» и составлена была в 1855 г., исправлена и отослана детям в Петербург в 1856 г. Из нее становится ясно, почему Иван Егорович изобретает необычный способ наследования. «Так как имение, доставшееся мне по наследству, - писал он, - заложено в Санкт-Петербургском опекуном совете и кроме того имеет партикулярные долги, доставшиеся мне вместе с имением... А потому разделено быть не может, ибо, разделив его на 7 частей, невозможно будет удержать при имении тех заведений, кои с издержками довольно значительными там устроены, а главное, винокуренного завода, который приносит главный доход; а следовательно, по разделе оного доход с имения ... почти уничтожится, а следовательно-

но, никто из детей моих ничем не воспользуется, а постоянные труды и заботы по сему имению покойного Вашего деда Егора Ивановича и мои пропадут.»²⁸ Поэтому Иван Егорович предлагал исполнить желание покойной матери и передать имение одному старшему сыну Владимиру, а остальным детям - денежные суммы. Чтобы убедить сыновей в целесообразности такого шага, он пишет им письмо с подробным разъяснением своих идей. Письмо это показывает, что происходило с экономикой средних поместий в предреформенный период и какие решения принимали грамотные в хозяйственных делах помещики. Но даже и они, как свидетельствует история рода Семевских, стояли в это время перед реальным разорением. Ввиду особой значимости документа, приведем его текст полностью:

«Бесценные мои друзья и дети! Володя, Миша, Саша и Петя.

Чувствуя себя часто в это время нехорошо и боясь за себя, я хочу предложить вам на рассмотрение и обсуждение, в каком положении находятся наши обстоятельства по имению.

Вам известно, что в 1845 г. я получил от маменьки село Федорцово в самом расстроенном положении, без скота, лошадей и почти с обвалившейся постройкой, в особенности винокуренный завод был так ветх, что я должен был неотложно приступить к перестройке его и на этих 142 душах долгу казенного и частного было 24795 р. 57 к. серебром. В течение 11 лет моего управления, вам известно, имение значительно улучшилось, постройка в селе почти новая, в заводе как наружная постройка, равно и внутреннее устройство оно и медная посуда переделана вновь, кроме того скотоводство увеличилось, вместо 10 штук рогатого скота, 12 овец и 16 лошадей всякого рода езжалых и не езжалых; ныне находится скота налицо рогатого 150, овец 70 и лошадей 60. Кроме того, прикуплена деревня Малышна 5 душ и 25 десятин земли, находившаяся внутри федорцовских земель, и эта покупка мне обошлась дорого более 1000 р. серебром. Одним словом, Федорцов-

ское имение не опустилось, несмотря на беспрестанную убыль людей, по случаю сдачи в рекруты и работники (коих сдано в эти 11 лет до 12 человек) и на бывшие притом почти во все время моего управления неурожаи, а потому дороговизну хлеба, ибо дешевле 4 р. серебром ни одного года я хлеб для винокурения не покупал, и то, кажется, был один такой только год 1846-й или 1847-й, хорошенько не помню, а всегда покупка была свыше 5 р. серебром, что видно из отчетов, и ежели не экстренные расходы истекших двух годов, то, несмотря на все эти неудачи, долг по имению не увеличился, а против того слишком на 1000 р. серебром уменьшился (все это можно видеть из бумаг, кои находятся при Федорцовской библиотеке). А потому совесть моя покойна, никто упрекнуть меня не может, чтобы я не заботился о моих милых детях, никто не может сказать, чтобы я не трудился для них, я чист против Бога, детей и всего света, но за всем тем иными (делами?) обстоятельства мои плохи; ибо покупка Тараканова, неурожай истекшего года и убытки по Таракановскому имению в истекшем году, издержка на приданое Сони и данный ей вексель в 4500 р. серебром увеличил в настоящее время долг по имению и его ныне состоит всего 35665 р. 11% к. серебром. Ценность же имения (живых налицо считается при проверке в истекшем году, кажется, 132 души), считая самую высокую цену по 300 р. серебром будет 39600 р. серебром, следовательно, за исключением долгу по имению останется капиталу менее 4000 на 5 частей, но вспомните, милые друзья, эту сумму не всякий даст; а ежели, сохрани Боже, я умру так несчастливо, как скончался добрейший мой сосед Ф.Н.Лавров и имение по несовершеннолетию Пети, Жоржика и Васи должно будет поступить в опеку, а поступая в опеку, раскроются долги, и оно легко может быть приведено в такое же положение, как ныне имение малолетних Лавровых по добросовестности опекунов. А потому я считаю необходимым продать Федорцово, чтобы успокоить себя под старость и умереть спокойно, что хоть несколько оставлю своим детям, в особенности тем трем, коим я

еще не мог ничего сделать. Бумага, которая была мной сделана и которую вы все читали и одобрили, существовать не может (тут я прилагаю и для видимости, чтобы желал), ибо на родовое имение духовных делать нельзя, а потому надо сделать крепость. Я уверен, что Володя, быв мне обязан приобретением Тараканова, отдельного имения в 130 душ, согласится, успокоит меня и совершенно примет на себя имение Федорцово крепостным актом и, кроме того, выплатит мне или моим наследникам, хотя не вдруг 10000 р. серебром, а также он и Соня дадут мне подписку, что из родового имения законную часть при жизни моей получили, тогда эти бы 10000 р. серебром я мог разделить на 5 частей и мое желание умереть спокойно в Федорцове исполнилось бы. Притом дал мне слово, и я уверен, что он его сдержит, что до конца дней моих или покуда я в силах я буду хозяином обоих имений, и я надеюсь, что убытка от этого не будет. Ежели я умру, то экипирует Петю, Жоржика и Васю, одним словом, выполнит то, что я написал в духовном моем завещании, и тогда я умру совершенно спокойно. Я думаю, что получу вот какой ответ от Миши и Сашука: нам ничего не нужно, делайте так, как знаете, и причина этого будет та, что не хотите быть обязаны Володе. На это вот что я должен объяснить Вам, вы ему обязаны не будете, но Володя должен для меня это сделать, без всякой благодарности со стороны вашей, а помня только то, что он мне делает угодное, ибо он должен сознаться, что если бы не согласие мое переделать Тараканово на его имя, Петр Васильевич не в состоянии был бы это сделать, ибо первый акт, совершенный на мое имя, был законный, и потому уничтожить его без согласия моего было бы невозможно; я имел в виду согласиться на это, потому что уверен был в Володе, что он свято исполнит все мои желания. Но за всем тем, ежели Володя примет мое предложение и с помощью Божьей пойдут его дела хорошо, то Володя вот что будет иметь: долгу на Федорцове 35665; из числа сего долгу надо скинуть долг А. Егоровны 2100, который будет прощен, и долг кон-

торский 2000, который, Божью помощью, я уплачу. Остается на Федорцове всего 31565, на Тараканове 14200, мне доплатить 10000, на крепость до 12000, составит всего 56965 р. серебром. Оба имения 265 души по 300 р. составят ценность имения 79000, следовательно, останется ему 22535 на его часть превосходного имения, со всеми удобствами, но это в совокупности с Таракановом, которое теперь по закону ему должно принадлежать, но, по совести и как благородный человек, он, не колеблясь, должен исполнить мою волю и не считать, что сделал благодеяние братьям. Тогда только это будет для меня ценно, ибо желание мое умереть в Федорцове исполнится и имение это останется в роде Семевских. Итак, мои милые друзья и дети, прочитайте со вниманием все.

Ваш верный и горячо любящий отец.
Хмелиты. 4 февраля 1857 г.²⁹

Однако осуществить эту операцию не удалось. Деньги, которые в равных долях должны были достаться всем детям Ивана Егоровича, можно было добыть только с поместья. Раньше всех, к 1862 г., их должна была получить сестра Софья. Братья же Михаил и Александр - значительно позже этого срока, который даже не оговаривался.³⁰ В 1857 г. Семевские сделали первый шаг - имением стал управлять Владимир. Но в 1859 г. Иван Егорович меняет план и пытается продать Федорцово. И возможно, причиной стала болезнь Владимира (он скончался в 1863 г. от чахотки).³¹ Возможно, поэтому в 1860 г. управление поручено было Михаилу Николаевичу Челищеву, при этом расход немалый - 150 руб. серебром в год, не считая квартиры и стола.³² К тому же добавилась финансовая катастрофа, постигшая семью осенью и зимой 1859 г. «Денег всего осталось 3 рубля, - писал Михаил отцу в конце сентября. - Служба ничего не дает, уроков нет...» И ранее несколькими днями восклицал: «Вот бедственная осень для Семевских!»³³

История попытки продать имение нашла отражение в семейной переписке, и прежде всего в письмах Михаила, который по заданию отца выполнял роль посредни-

ка в Петербурге. Но сам Михаил не был до конца уверен в необходимости этого шага, как видно из писем. 21 сентября он советовал отцу: «Папенька, крепитесь, голубчик, до последней крайности: не уступайте родимого угла менее нежели за 40000, тем более, что Франки, ежели хотят его приобрести, и уже, разумеется, не отступятся, ибо думают об этом более года, а в это время разумеется, смогли, навести полные справки о покупаемом имении и справки, без сомнения, были благоприятны.» И далее: «Федорцово, видимо, придется спустить: в самом деле неоткуда и никогда мы не получим так много денег, чтобы выкупить его из долгов, а с ними бороться нет возможности... Папашенька: векселя, долги, проценты, помоги же, судьба, теперь очиститься совершенно...»³⁴ В октябре Франк от покупки отказался.³⁵ В ноябре Петр продолжил рассуждения брата о продаже: «Вы писали, что и князь также отказался от покупки, как же вы думаете, папаша, справиться в новом году с долгами, ежели и г. Нахимов тоже не купит Федорцово, не лучше ли опять объявить в Санкт-Петербургских [ведомостях] о продаже имения, а то заложить лесную дачу, ежели можно...»³⁶ В том же ноябре Михаила вновь одолели сомнения, и поэтому он советовал: «...не торопитесь продавать Федорцово...», и тогда Иван Егорович объявил о продаже лесной дачи.³⁷ В декабре появился еще один покупатель. «Попутчик мне, - писал Михаил, - будет студент Келерман, славный человек, его отец теперь купит Федорцово и почти наверное посылает для обзора сына своего со мной. Нет, прочь Федорцово!»³⁸ Но сделка так и не состоялась. А в октябре 1860 г. скончался Иван Егорович.³⁹ Продажа имения стала невозможной, так как часть наследников были несовершеннолетними, над имением была учреждена, согласно закону, опека. Но Семевские закон обходят. Воспользовавшись тем, что София была замужем и носила фамилию мужа - Лыкошина, ее делают опекуншей, а Владимира доверенным лицом. Имение тогда же было оценено в 25 тыс. руб., да движимого имущества еще на 8 тыс. руб. (Расчеты Ивана Егоро-

вича, как видим, были завышены, он давал расчетную цифру почти в 40 тыс. руб.). Ежегодный доход составлял только 2500 руб. (на семерых наследников!) от продажи скота, птицы, масла, урожая с сада и вина по заключенному с Псковской казенной палатой контракту на 10 тысяч ведер.⁴⁰ Попытки продать имение в те годы привели к разбирательству в палате гражданского суда, которая разрешение на это не дала, но выявила, что опекун, кредитор и наследник были представлены в лице одного человека - Софьи Ивановны. Возможно, Семевским и удалось бы совершить какую-либо махинацию с продажей, но противником был Михаил. Для него поместье не было объектом ностальгии, но оно давало возможность участвовать в делах земства, избираться почетным судьей в Великолукском у. на протяжении многих лет, для него, человека по натуре общественного, это было просто необходимо.

В 1872 г. в Федорцово перебрался из Перми, где он служил на железодельных заводах графа Стенбока, Александр Иванович и принял на себя управление имением. Сохранилось соглашение, по которому 23 июня 1872 г. коллежский советник Михаил Иванович Семевский и отставной поручик гвардии Александр Иванович Семевский договорились о том, что первый передавал на 10 лет в пользование свою часть имения. В 1879 г. по смерти мужа на оставшиеся 3 года вдова Александра Васильевна, урожденная Буташевич-Петрашевская, взяла на себя все обязательства. Условия договора наглядно показывают объем производства в поместье. По завершении сроков пользования надлежало сдать владельцу «двадцать дойных коров с приплодом последнего десятого года, четыре рабочие лошади, десять овец, десять кур, рабочий инструмент на трех ... работников, т. е. три сохи, четыре бороны, один резон, три телеги, из них одна с коваными колесами, четверо саней, три косы, три топора и один лом».⁴¹ При расторжении договора предусматривалась неустойка в 1 тыс. руб. серебром. К этому времени все Семевские совершеннолетние, число наследников со-

кратилось: умер Георгий - Жоржик, который жил многие годы в доме Михаила. Описанные доходы составляют, следовательно, примерно пятую часть. Стадо в 100 дойных коров можно считать показателем достаточно устойчивого хозяйства.

Александр Иванович прожил в поместье недолго, но оставил по себе добрую память, как человек, приложивший немало усилий в деле народного образования. Как и братья Владимир и Михаил, он учился в Полоцком, затем Константиновском (б. Дворянском полку) кадетских корпусах и Артиллерийской академии, где слушал лекции своего земляка профессора математики П. Л. Лаврова. Участие в 1861 г. в студенческих волнениях повлекло наказание — перевод в Брянский арсенал, а затем и отставку. В 1863 г. он поступил на частную службу в Перми. Именно там впервые проявил интерес к делу народного образования - открыл школу на заводе, а затем и несколько в уезде. Поселившись в родных краях, Александр устраивает школу в своем имении, которая впоследствии называлась «Школа в память А. И. Семевского». ⁴² Эта школа в селе Борки получила солидную материальную поддержку от его вдовы Александры Васильевны, все имущество которой было продано после ее смерти (а когда-то она была богатая невеста!), и капитал по завещанию передан школе. ⁴³ При жизни Александр содействовал открытию в уезде и других учебных заведений. Став гласным земского собрания в 1873 г., он добился, как отмечала Александра Васильевна в биографии мужа, чтобы земство ассигновало до 7 тыс. руб. в год на народное образование, что сделало возможным открытие в уезде сразу 11 школ, ⁴⁴ и лично осуществлял наблюдение за преподаванием. Десятью годами раньше открыл школу в имении и Михаил, но, видимо, она существовала недолго. «Летом 1863 г., занятый сводом моих заметок в общий «Обзор грамотности в деревнях временно обязанных крестьян в Псковской губернии», я в то же время открыл школу для крестьянских детей», - указал он в примечаниях к этому труду. ⁴⁵ Известно, что всю работу по сведению материалов в таблицы и составлению описания Михаил Иванович выполнял в своем имении.

После смерти Александра все заботы по имению ложатся на Михаила. (Петр служит в отделении государственного банка в Перми; Василий, увлеченный историей, далек от житейских проблем.) Федорцово передано на попечение управляющего. Несмотря на продажи отдельных небольших земельных участков и лесных дач, при его жизни имение оставалось родовым имуществом Семевских. Но уже в 1894 г. владельцами Федорцова числятся Петр Петрович Брискорн и Николай Семенович Корвин-Круковский (двоюродный брат С. В. Ковалевской). За имением числится 2792 десятины земли, стоимостью в 13991 руб. ⁴⁶ Ко времени продажи поместья из прямых наследников остался только Василий (Михаил скончался в 1892 г., Петр в 1894 г.) и четвертое поколение: сыновья Владимира и Софьи, дочь Михаила. Все не были заинтересованы в сохранении имения, и никто из них не пожелал выкупить его в собственность. В роду Семевских оно не осталось.

Федорцово постигла судьба многих «дворянских гнезд», так хорошо известная по русской классической литературе. В 1901-1907 гг. им владеет губернский секретарь Николай Николаевич Тяпкин. ⁴⁷ Далее владельцы неизвестны. Последние сведения относятся к 1916 г., когда некая Елизавета Ивановна Свечина пыталась продать его с публичных торгов. ⁴⁸ В 1920 г. в имении располагалось лесничество и ветеринарный пункт. ⁴⁹ Но эти перепродажи и смена хозяев уже не имеют отношения к Семевским.

Р. С. Одному из авторов этой статьи несколько лет назад довелось побывать в Федорцове. От железной дороги к деревне ведет извилистая топкая тропинка через темный еловый бор и выскакивает на холмистые поля. На пригорке купа деревьев, где ели перемежаются с жалкими, худосочными липами и акациями, указывает на место бывшей усадьбы. Две старушки на солнцепеке оживленно обсуждали свои новости. Нет, нет, о Семевских они никогда не слышали. А вот сад здесь был огромный, жаль - погиб. Прошлое ушло безвозвратно. Но отрадно, что на фундаменте федорцовского дома, сгнувшегося в военное лихолетье, - отстроена школа.

Примечания

1. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 888. Сведения из архивов ГАПО и ВФ ГАПО собраны Н.В. Пархомик.
2. В исповедальных росписях за 1761 г. значится, что в селе Федорцово погоста Борок проживает вдова дворянина Великопольская Анисья Петровна – 47 лет и дочь ее Елизавета Петровна, 3 лет от роду. – ВФ ГАПО, ф. 39, оп. 3, д. 89, л. 111.
3. *Брокгауз Ф.Л., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 5 а. СПб., 1892. С. 828.
4. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 888.
5. ВФ ГАПО, ф. 55, оп. 1, д. 1612.
6. Автобиографические наброски В.И.Семевского // *Голос минувшего*, 1917, № 9. С. 8.
7. Последний сын Василий учился у И.И.Малевича в ту пору, когда он жил у Круковских. – Автобиографические наброски В.И.Семевского... С. 7.
8. Автобиографические наброски В.И.Семевского... С. 8.
9. *Брокгауз Ф.Л., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 29. СПб., 1892. С. 426.
10. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 888.
11. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 27, л. 1 об. Сведения из ОР ИРЛИ собраны О.Б. Кох.
12. В биографии М.И.Семевского, написанной В. Тимошук, Е.Г.Щеглокова ошибочно названа женой Яна Семевского. (Тимошук В. Михаил Иванович Семевский: Его жизнь и деятельность. СПб., 1895. С. 2.)
13. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 27, л. 63.
14. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 888.
15. ВФ ГАПО, ф. 55, оп. 1, д. 265.
16. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 27, л. 1 об.
17. Там же.
18. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 888.
19. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 2, д. 3, л. 2 об.
20. Там же. Оп. 1, д. 27, л. 21, 23.
21. Там же. Оп. 2, д. 7, л. 1.
22. Там же. Д. 13, л. 2.
23. Там же. Л. 27.
24. ВФ ГАПО, ф. 129, оп. 1, д. 504.
25. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 2, д. 13, л. 2.
26. Там же. Д. 4.
27. Там же. Д. 12, л. 1 – 1об.
28. Там же. Д. 3, л. 1.
29. Там же. Д. 9.
30. Там же. Д. 3, л. 10 об.
31. Согласно выписке из метрической книги, гвардии штабс-капитан Владимир Иванович Семевский скончался от чахотки в возрасте 27 лет 18 июля 1863 г. (ВФ ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 4288.)
32. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 2, д. 14.
33. Там же. Оп. 1, д. 41, л. 276 об., 277.
34. Там же. Л. 726.
35. Там же. Л. 737.
36. Там же. Л. 739 об.
37. Там же. Л. 746, 749.
38. Там же. Л. 7555 об.
39. Согласно выписке из метрической книги, надворный советник Иван Егорович Семевский скончался 12 октября 1860 г. от паралича в возрасте 54 лет. (ВФ ГАПО, ф. 39, оп. 20, д. 112, л. 594.)
40. ВФ ГАПО, ф. 55, оп. 1, д. 1612.
41. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 431, л. 1-3.
42. Там же. Оп. 2, д. 25, л. 3 об.
43. ВФ ГАПО, ф. 79, оп. 2, д. 406, л. 406.
44. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 2, д. 25, л. 3 об.
45. *Семевский М.И.* Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. СПб., 1864. С. 68.
46. ВФ ГАПО, ф. 58, оп. 2, д. 385, л. 2014.
47. Там же. Д. 443.
48. Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 178, л. 48; д. 179, л. 36.
49. Там же. Ф. 442, оп. 2, д. 3, л. 8-13.